

А Шан не пошла смотреть на хайтан и забыла сказать спасибо, лишь застыла, глядя на человека рядом. Та была одета лишь в тонкий длинный халат, чёрные волосы, собранные в хвост, лениво ниспадали на спину. Вечерний ветерок поднимал несколько прядей, которые развевались вокруг тонкой шеи. Лунный свет позволял А Шан разглядеть изящные изгибы плеч и шеи. Она невольно сглотнула. Тело Ци Юнь было хрупким, но не казалось слабым — оно было ясным и чистым, как луна, которую она хотела сейчас восхвалить.

Настолько погрузившись в созерцание, А Шан даже забыла, что держит в руках вино. Её пальцы разжались, и она чуть не уронила бокал. В панике она услышала тихий смешок и почувствовала взгляд Ци Юнь. Не зная, заметила ли та её завороченность или просто смеялась над её неловкостью, она покраснела.

— Не будешь пить?

— Что?..

Ци Юнь наклонила свой бокал перед её глазами, слегка встряхнув его. На её губах играла лёгкая улыбка, больше похожая на забаву, чем на насмешку. Она находила А Шан забавной.

Только тогда А Шан поняла, что речь идёт о вине в бокале. Она не умела пить, не знала, насколько это крепко, но, увидев, как Ци Юнь выпила до дна, она последовала её примеру, подняв бокал и осушив его.

А Шан ожидала, что вино будет обжигающим, но вместо этого почувствовала сладость. Она удивлённо моргнула. Первый глоток оказался не таким уж неприятным, как она думала. Ци Юнь, наблюдая за ней, улыбнулась ещё шире.

— Это вино приготовлено из цветов хайтан, — Ци Юнь взглянула на кусты хайтан за окном. — Цветы хайтан обладают нежным ароматом, а в вине он становится ещё слаще и ароматнее.

Только что рассказав о вине, она сменила тон на слегка недовольный:

— Оно в сотни раз вкуснее того противного лекарства. Надеюсь, Кэ Ли когда-нибудь научится у меня.

Хваля вино, Ци Юнь не упустила возможности подшутить над лекарством, которое её так раздражало. Её шутливые слова расслабили А Шан, и она улыбнулась. Морщинка на переносице сделала её улыбку ещё более живой и очаровательной.

— Это вино... вы сами приготовили?

Глаза А Шан уже слегка затуманились от алкоголя, её черты лица под лёгким опьянением приобрели особую прелесть. Ци Юнь с одобрением пригладила её волосы на щеке:

— Тебе стоит чаще улыбаться.

От этих слов щёки А Шан запылали ещё сильнее.

Ци Юнь налила ей ещё полбокала, предупредив пить медленнее. Мысли А Шан уже полностью запутались из-за недавнего намёка на близость. Она смотрела то на вино, то на цветы в саду, но не решалась взглянуть на человека рядом.

— Если бы цветы никогда не увядали...

А Шан сделала маленький глоток. Теперь она действительно опьянела. Её мысли смешались, гудя в голове, и в итоге вылились в эту бессвязную фразу. Ци Юнь, облокотившись на бамбуковую ограду, лениво и мягко произнесла:

— Цветы в полном цвету действительно прекрасны, но увядание после цветения — это тоже своеобразная красота.

— Увядание после цветения...

А Шан почему-то вспомнила о судьбе Ци Юнь. Ей казалось, что та, как эти цветы, прекрасна, но недолговечна.

— А Шан, ты пьяна.

Ци Юнь сказала, что она пьяна. Она упрямо открыла глаза, но зелёная завеса, яркая луна и цветы в саду смешались в пёстрый туман в её голове. Она почувствовала, что тело стало лёгким, мягким и расслабленным. Едва успев сказать, что не пьяна, она рухнула в объятия Ци Юнь.

Она забыла рассказать о своих страшных снах, забыла продолжить хвалить луну, которая казалась ей такой же прекрасной, как Ци Юнь. Она лишь почувствовала, как её тело окутала мягкость, и погрузилась в сон.

Ци Юнь отнесла её в комнату, а сама вернулась к окну, чтобы выпить ещё один бокал в одиночестве. Вечерний ветер не принёс с собой опьянения. Она превратила хайтан в вино, а сладкий напиток стал для А Шан сном, в котором больше не было страха.

Весна широка, сны узки, луна бела, ветер свеж.

Когда А Шан проснулась, Ци Юнь уже не было в комнате. Похмелье настолько одурманило её, что она не сразу поняла, где находится. Лишь когда утренний свет через круглое окно медленно озарил её, она потёрла виски, где всё ещё пульсировала боль, и вдруг вспомнила вчерашнее.

«Тебе стоит чаще улыбаться».

Эти слова первыми всплыли в её памяти, а также улыбка Ци Юнь под луной. Сердце снова забилось сильнее, наполовину от волнения, наполовину от страха.

Последнее, что она помнила, была луна за окном. Она хотела восхвалить её, потом хотела восхвалить Ци Юнь, сказать, что та так же прекрасна, как луна, но не помнила, произнесла ли это вслух.

Аккуратно прибрала постель Ци Юнь, А Шан понюхала свои руки. Не только на них, но и на всём её теле ощущался приятный аромат — свежего бамбука после дождя.

Окутанная этим запахом, она почувствовала, будто её обнимает Ци Юнь. Щёки под утренним светом начали слегка гореть.

А Шан собиралась незаметно покинуть комнату Ци Юнь, но, едва открыв дверь, застыла. У входа стояли несколько сестёр из павильона. Увидев её, они сначала удивились, затем обменялись многозначительными взглядами и начали шептаться.

А Шан покраснела под их шёпотом, не решаясь спросить, над чем они смеются. Она опустила голову и, пройдя сквозь толпу, быстро ушла.

На повороте она столкнулась с Таохуа, которая как раз шла её искать. Таохуа, потёрши нос, хотела было пожаловаться, но, увидев А Шан, изменила выражение лица, и глаза её мгновенно наполнились слезами. А Шан с беспокойством посмотрела на неё и поняла, что Таохуа, похоже, плакала всю ночь — глаза её опухли, как персики.

— Сестра Таохуа, что случилось...

А Шан не успела договорить, как Таохуа с громким всхлипом бросилась к ней в объятия.

Увидев Таохуа в таком состоянии, А Шан подумала, что с ней случилось что-то ужасное, и начала нежно утешать. Таохуа, смахнув несколько слёз, всхлипнула и спросила:

— Сестра А Шан, куда ты так спешишь?

Таохуа, которая всегда была в курсе всех новостей, видимо, ещё не знала, что А Шан провела ночь в комнате Ци Юнь. Это немного удивило А Шан.

— Я... я...

А Шан решила, что если Таохуа узнает, то начнёт задавать вопросы, поэтому солгала:

— Я беспокоюсь о Фуцьюй, хотела навестить её...

Едва успокоившаяся Таохуа, услышав имя Фуцьюй, снова начала плакать. А Шан, испугавшись, схватила край рукава, чтобы вытереть ей слёзы, но Таохуа без зазрения совести использовала его, чтобы высморкаться.

— Сестра Таохуа, что случилось, почему ты так горько плачешь?

А Шан погладила Таохуа по волосам, её голос был мягче весеннего света за окном. Таохуа оглянулась, взяла А Шан за руку и отвела в пустую комнату, где наконец высказала свои обиды.

Хотя это и нельзя было назвать обидой, скорее, это было внутреннее недовольство.

— Вчера я пошла навестить сестру Фуцьюй... Подойдя к двери, я услышала, как внутри кто-то разговаривает, и прислушалась...

Голос Таохуа всё ещё дрожал, она всхлипывала, продолжая говорить:

— А потом я услышала голос этого сумасшедшего...

А Шан уже привыкла к тому, что Таохуа называет Кэ Ли «сумасшедшим», хотя сама не понимала причины. Для неё Кэ Ли была доброй, мягкой и искусной врачом, хоть и немного эксцентричной. Ни в чём она не напоминала «сумасшедшую». Разве что её увлечение медициной можно было назвать немного «безумным», но для врача это было скорее плюсом.

— Я слышала, как она что-то говорила моей сестре Фуцьюй, специально понизив голос, так что я не могла разобрать слов. А потом я услышала... услышала...

Голос Таохуа становился всё громче, но дыхание прерывалось, и, покраснев, она так и не

смогла сказать, что именно услышала. А Шан, увидев её состояние, подумала, что в комнате произошло что-то опасное, и начала успокаивать, глядя её по спине и предлагая говорить медленнее.

<http://bllate.org/book/16235/1458818>